

И. В. Лисковец

ТРАСЯНКА: происхождение, сущность, функционирование

Существование в Белоруссии некоего кода, находящегося в каком-то смысле между русским и белорусским языками и обычно именуемого трясанкой¹, признается и учеными, и журналистами, и просто жителями. Однако этот феномен не слишком привлекает внимание исследователей: в научной и публицистической литературе по поводу трясанки встречаются в основном лишь негативно-оценочные высказывания. Вот характерная цитата: «Трясанка — этот показатель вопиющей безграмотности и бескультурья, когда грубо калечатся сразу два языка»². Мне известны лишь две научные работы, в которых трясанка фигурирует в качестве объекта научного изучения: статья Н. Б. Мечковской (1999), в которой трясанка называется «русифицированным белорусским» и почти не описывается, и коллективная монография «Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси» (1999), авторы которой не разграничивают трясанку и белорусский диалект русского языка, описывая и то, и другое как явления межъязыковой интерференции.

При этом трясанка представляет собой интересное явление и для лингвистики, и не следует, видимо, отдавать ее полностью на откуп журналистам и политикам. Попробуем разобраться в лингвистической сущности трясанки, определить ее границы и место в системе кодов, используемых жителями Белоруссии, понять причину ее происхождения, ее роль в социальной стратификации общества, а также увидеть отношение минчан к ней. Эта система кодов может быть представлена как континуум типа *литературный русский — белорусский диалект русского языка — трясанка — литературный белорусский*.

Статья базируется на полевых материалах автора, которые включают записи интервью с жителями г. Минска (82 интервью), записи зву-

чащей речи, а также эксперименты, проведенные автором для проверки правильности тех или иных предположений. Записи были сделаны в 1999–2001 годах.

1. Описание трясянки

Вначале — несколько примеров высказываний на трясянке, взятых из разговорной речи минчан. Слова русского происхождения выделены курсивом, произнесенные «на белорусский манер», в скобках дан правильный белорусский вариант. [γ] означает фрикативный [г]. Большими буквами обозначены ударные гласные (там, где ударение не показано, оно соответствует нормам русского языка), и твердое Ч.

Трясянка	Литературный белорусский	Перевод на русский язык
[jон рабОтаје на завОдз'е]	Ён працуе на заводзе	Он работает на заводе
[jana тарγУЕ цв'атАм'и на рынк'и]	Яна γандлюе кветкамі на ірмашы	Она торгует цветами на рынке
[Паб'аγУ, бо ж малОγа з саДа забрАц' наДа]	ПабγУ бо сына з садка забрАць трЭба	Побегу, надо ж сына из сада забирать
[З'н'ам'И з раб'Онка ЧЭпЧык, бо ж γалОγку нап'ачЭ]	Здым' з дзiцЯцi ЧЭпЧык бо ж γалоγку напяЧЭ	Сними с ребенка чепчик, головку напечет
[jОн жа з дз'арЭўн'и]	Ён жа з вёскі	Он же из деревни
[ja таб'Е буду ждац' у ухОда]	Я цябЕ буду чакАць калЯ увахОда	Я тебя буду ждать у входа
[MaйА даЧкА пажан'Илас'а з вОвам нь прОшлаj н'адз'Ел'и]	MaйА даЧкА ажанiлася з вОвам у мiнУлым тЫдзні	Моя дочь вышла за Вову на прошлой неделе
[jОн вумн'Еj за таб'Е]	Ён разумнЕйшы за цябЕ	Он умнее тебя
[jон прыйдз'е чЭраз тры чась]	Ён прыйдзе праз тры гадзiны	Он придет через 3 часа
[У jaγО мноγа дз'Енеγ ³]	У яго шмат γрОшэй ⁴	У него много денег
[jОн прыjЕдз'е у васкрэс'Ен'н'и ⁵]	Ён прыедзе у нядзЕлю	Он приедет в воскресенье
[jон jaγО добра знаЕц' // jаны ж дружац' з дз'Ецтва]	Ён яго добра вЕдае, яны ж сябрУюць з дзяцiнства	Он его хорошо знает. Они же дружат с детства

Как видно из примеров, трясянка, в отличие от литературного белорусского языка, практически не нуждается в переводе на русский. Возможно, именно наличие трясянки является причиной существования среди россиян устойчивого стереотипа о простоте понимания белорусского языка и полном сходстве его с русским.

Трясянка представляет собой некое переходное явление между двумя близкими восточнославянскими языками: русским и белорусским. Важно отметить (это видно и из приведенных примеров), что трясянка не является единым кодом, имеющим нормы и правила, это скорее на-

бор индивидуальных способов выражения, характеризующийся высокой степенью вариативности.

Трасянка представляет собой *отрезок континуума*, на одном полюсе которого находится белорусский диалект русского языка, на другом — белорусский разговорный язык. Поэтому удельный вес тех или иных черт трасянки варьирует от носителя к носителю и от языковой ситуации к языковой ситуации. Кроме того, нельзя не учитывать и тот факт, что белорусский разговорный язык существует главным образом в виде диалектов, поэтому трасянка может также сохранять некоторые диалектные особенности.

Вот как описывает сущность трасянки одна информантка, студентка филологического факультета БГУ⁷:

1) Наташа, 22 года, белоруска, коренная минчанка, студентка 5 курса:

Соб. *А что такое трасянка, как бы ты объяснила?*

Инф. *Нет, это не диалект. Это просто когда русские слова пытаются произнести на белорусский манер, а белорусские на русский. С диалектизмами всякими... славянизмами. Вот получается трасянка. Это язык, он мешанный, он не то и не то, тогда он грубый. Потому что русское слово, которое здесь не может быть, у которого есть перевод на белорусский язык, который звучит так приятно, пытаются просто его сказать с белорусским так сказать акцентом, на белорусский манер, оно получается очень грубо.*

Теперь посмотрим, что представляет собой трасянка с точки зрения диахронии.

2. Происхождение трасянки

Некоторые представления о причинах возникновения трасянки можно получить, обратившись к интервью⁸.

2) Михаил Аркадьевич, белорус, за 50, высшее образование, родом из деревни, мастер на заводе⁹:

Прыходзіць хлопчык з вёскі, радной у ниво беларускі, а в арміі ж усё — устав, каманды, усё — па-руску. Ну і на Чынаець он меціць усё это. Паўтораць, што гаваряць, а не прывык. Вот і выходзіць. То лі рускі, то лі беларускі. Словы рускія, звуЧаць — как на беларускай. Трасянкай у нас эта называюць.

3) Светлана, белоруска, 30, высшее образование, родители родом из деревни, живет в Минске, работает в детском садике (на вопрос собирателя о языке родителей ее воспитанников)¹⁰:

Инф. *Видите, это Шабаны¹¹, там многие получили квартиры кто из деревень. Им же хочется, чтобы говорить по-русски, чтобы как в городе, а русско-го они не знают. Ну вот и получается. Особенно когда с кем-то посторонним. А между собой чего им стесняться. Там они уже как говорили у себя там, так и говорят. Вот и выходит — ни то ни се.*

Соб. *А дети?*

Инф. *Нет, дети уже по-русски, дети ж не только дома, и потом детям легче. Они все впитают, что им дашь.*

На основании этих и похожих рассказов информантов вырисовывается механизм возникновения трясянки. По приезде в город или при контактах с горожанами в других условиях сельский житель, вынужденный подстраиваться под говорящих по-русски горожан, пытается говорить по-русски. У некоторых людей это не получается, у некоторых получается очень быстро¹². Попытки говорить по-русски приводят к возникновению трясянки, которую большинство ее носителей считают русским языком.

Первым элементом, который выучивается легче всего, является лексика, поэтому лексический компонент трясянки в основном русскоязычный. Затем следует словоизменение, затем синтаксис. Тяжелее всего поддается фонетика: известно, что при изучении второго языка труднее всего избавиться от интерференции на фонетическом уровне (например, Perelman 1989).

Таким образом возникает смешанный язык с русской лексикой и белорусской фонетикой. Более того, в речи перешедших на русский язык часто проскальзывают именно фонетические особенности, указывающие на их происхождение, например твердые [ч] и [щ], окказиональная фрикативность [у], мягкость глухих перед мягкими сонантами [с'л'Ева], [у] неслоговое и др. Так образуется одна из разновидностей белорусского диалекта, назовем ее БД2, характерная для пытающихся говорить по-русски выходцев из деревень.

Дети мигрантов уже хорошо говорят по-русски, хотя и в их речи еще можно услышать отголоски трясянки, на которой говорили их родители (в этом случае — чаще всего на лексическом и синтаксическом уровнях). Код, которым пользуются они, можно обозначить как БД1, то есть белорусский диалект русского языка, свойственный постоянно проживающим в Беларуси горожанам. Они практически никогда не переключают коды намеренно, как делают многие их сверстники, выросшие в русскоязычных семьях.

Нужно отметить достаточно принципиальное отличие трясянки, употребляемой горожанами, от трясянки сельских жителей. Это отличие связано не с грамматической, а с социолингвистической стороной этого явления. Во-первых, причиной возникновения трясянки в деревне является не желание адаптироваться под русскую речь, а влияние русскоязычных текстов, в первую очередь СМИ, кино, массовой культуры, технической документации. Отсюда включение определенной русскоязычной лексики в белорусскую речь. Во-вторых, в силу отсутствия постоянных контактов с носителями русского языка дети носителей трясянки вполне могут унаследовать ее от родителей. В данной статье мы будем говорить только о городской трясянке.

Итак, можно сказать, что **трасянка** — это **переходное явление постепенной замены белорусских элементов на соответствующие русские**, характерное для речи мигрантов из деревень и вызванное социальной необходимостью подстройки под русскую речь горожан и представляющее собой набор стихийно и по-разному русифицированных индивидуальных способов выражения, варьирующихся от носителя к носителю и в зависимости от адресата и ситуации.

Несколько слов о носителях этого кода.

3. Носители трасянки

Социальный статус говорящих на трасянке горожан чаще всего достаточно низок. Говорящих на трасянке людей можно встретить среди рабочих, продавцов, причем в основном продуктовых ларьков, рынков и продовольственных магазинов, обслуживающего персонала. Хотя среди них есть врачи, учителя и даже профессора университета и директора предприятий, но это скорее исключение, чем правило. Кроме того, обычно говорящие на трасянке люди с высшим образованием — очень пожилого возраста. Обычно люди, говорящие на трасянке, отличаются и по внешнему виду: они заметно хуже одеты и т. д.

Это подтвердилось в ходе проведенного эксперимента. Было выбрано 4 эксперта в возрасте от 20 до 35 лет из числа опрошенных: 3 с высшим образованием, 1 с незаконченным высшим и 1 со средним специальным, 3 женщины, 1 мужчина. Все коренные¹³ минчане, владеющие всеми используемыми в г. Минске кодами и обладающие некоторой способностью к языковой рефлексии. В своей речи эти люди используют нормативный русский язык (с небольшими диалектными вкраплениями). Их попросили вначале дать *словесный портрет человека, говорящего на трасянке*. Главными определениями были: *приехавший из деревни; необразованный; малокультурный; простой*.

Затем их попросили угадать, использует ли трасянку тот или иной прохожий на улице (всего было выбрано 20 случайных прохожих; из них по поводу шести человек было опрошено по два эксперта). Затем мы обращались к тому человеку, о котором делалось предположение, с каким-либо вопросом (как пройти или где что-то находится). Ни в одном из шести случаев мнения экспертов не разошлись. Всего было сделано три ошибки. Так, о двух бедно одетых женщинах лет 50 было высказано предположение, что они станут использовать трасянку, но оказалось, что обе они говорили на белорусском диалекте русского языка (об одной из этих женщин ошибочное мнение было высказано двумя экспертами). Относительно еще одного мужчины средних лет, одетого в хороший костюм, ошибка была сделана в другую сторону — он говорил на трасянке, а эксперт предположил русский язык. Во всех остальных случаях догадки были верны. Этот эксперимент подтвердил наличие корреляции между внешним видом человека и тем, как он говорит.

4. Функционирование трасянки

Необходимо сказать, что обычные эпитеты, которыми информанты определяют трасянку — «деревенский», «колхозный» — на самом деле ошибочны. Это как раз не деревенский, а именно городской белорусский, так как в деревнях, особенно отдаленных, язык в большей степени сохраняет свою целостность. Трасянка присуща в большей степени жителям городов и городских поселков. Так, по данным Г. Ф. Вешторт, трасянка звучит в Минске 11 % от общего времени записи живой речи, в г. Воложине Минской области — 20 %, в г. Браславе Витебской области — 32 %, в г. Горки Могилевской области — 40.5 %, в г. Иванов Брестской области — 6.5 %, в г. Ошмяны Гродненской области — 17.9 %. В деревнях трасянка более характерна для специалистов с высшим и средним образованием (см. Типология... 1999).

То же самое можно сказать о жителях среднего и молодого возраста многих деревень, расположенных вблизи больших городов. Примером может служить дер. Негорелое, Минского р-на (40 км от Минска, с прямым автобусным и железнодорожным сообщением с Минском), жители которой говорят преимущественно на трасянке. В отдаленных деревнях, особенно в западных областях (Гродненская и Брестская) и на Юго-Востоке (часть Гомельской области) белорусский язык сохраняется, хотя и испытывает на себе сильное влияние русского.

Уровень использования трасянки зависит и от сферы общения. По данным Г. Ф. Вешторт, «в Минске чаще всего смешанная речь употребляется в общении с родителями (13.3 %) и другими родственниками (12 %). Наименьшее количество смешанной речи в Минске отмечается в общении с детьми (9.3 %) и в общественных местах (9.8 %)» (Типология... 1999: 95). К сожалению, приведенные данные получены только путем анкетирования.

По моим наблюдениям, трасянка чаще звучит в общении с другими носителями трасянки и реже всего — в общении с русскоговорящими. Можно сказать, что на выбор средства выражения оказывает влияние не столько сфера общения, сколько *адресат*. Приведем характерный пример из интервью:

4) Нина, 52 года, уроженка Витебской области, среднее образование, рабочая Минского тракторного завода¹⁴:

Соб. *С кем вы говорите (на трасянке)?*

Инф. *Да и дома усעדА. На людзях ужо стараешся, штобы там... а дома, дзе сваЕ усе людзи — там як прывык так и ўвОрыш.*

Соб. *А на работе?*

Инф. *Да и на рабоце тож, Чаго тут, каго с'цяс'няцца, усе ж з дзярэўни...»*

Итак, с точки зрения функционирования трасянка — это некий «свой» язык, использования которого вне круга семьи и «своих» стараются избегать, хотя, как видно из примера, это не всегда удается.

5. Место трасянки в русско-белорусском континууме

Как уже отмечалось выше, трасянка — это отрезок континуума между белорусским диалектом русского языка (БД) и белорусским языком (БЯ). И хотя континуум предполагает нечто неразрывное, есть основания полагать, что в сознании жителей г. Минска существует граница между БД и трасянкой, с одной стороны, и трасянкой и БЯ — с другой. Чтобы проверить это утверждение, был проведен следующий эксперимент.

Шести человекам из числа коренных минчан разного возраста, пола и уровня образования были предложены отрывки записей речи минчан; им было предложено отнести эти образцы к одному из четырех используемых жителями г. Минска кодов¹⁵. Все шесть человек классифицировали эти отрывки одинаковым образом и без колебаний. Таким образом, подтвердилось представление о четком разграничении этих кодов в сознании членов языковой общности.

Попробуем определить границы между трасянкой и БД с одной стороны и трасянкой и БЯ — с другой.

5.1. Граница между трасянкой и белорусским диалектом русского языка

Интуитивное представление состояло в том, что граница трасянки и БД проходит на уровне фонетики. Это интуитивное представление подтвердилось мнением экспертов (см. выше), которых попросили объяснить, чем они руководствовались при классификации отрывков. В качестве показателей трасянки были названы:

- твердые [ч] и [щ], твердое [р] вместо [р’], фрикативное [γ];
- окончание [ауа] в формах прилагательного мужского рода в р. п. ед. ч. ([свежауа] вместо русского [свежева]);
- местоимения «ён», «яна», «яны»;
- наличие [ў] неслогового ([ус’Е]);
- мягкое произнесение первого согласного [с] перед мягким ([с’л’Ева]);
- [а] вместо [и] ([н’ав’Еста]);
- опущение конечного «т» в формах 3 л. ед. ч. глаголов в настоящем времени, характерное и для литературного белорусского языка [ЧытА’е];
- просодические отклонения, например «некатОрья» и некоторые другие фонетические и просодические черты.

Тем не менее, анализ отрывков звучащей речи показал, что более корректно было бы говорить о границе **количественной**. То есть показателями трасянки являются:

- заметное повышение частотности [а], более открытого, чем того требует русская норма для первого предударного, после мягкого там, где по русской норме должно быть [и];

- регулярное появление [ʏ] неслогового вместо нормативного русского [в] или [л] в конце слов;
- только твердое произнесение [р];
- только фрикативное [ɣ];
- количественное преобладание случаев мягкого произнесения первого согласного перед мягким;
- количественное преобладание указанных выше местоимений по сравнению с нормативным русским;
- количественное преобладание просодических элементов, соответствующих белорусским нормам.

Можно сформулировать это следующим образом: **ни один отдельно взятый элемент не может характеризовать текст как произнесенный на трасянке**, так как все эти элементы характерны и для БД2, то есть являются **маркерами происхождения говорящего**. Говорить о трасянке можно лишь при достаточной частотности всех этих элементов.

Что касается употребления фрикативного [ɣ], оно в той или иной степени присуще подавляющему большинству минчан и поэтому не является каким-либо языковым маркером, кроме как показателем проживания в Беларуси вообще¹⁶.

Таким образом, можно говорить только о **количественной** разнице между трасянкой и белорусским диалектом русского языка. Но при этом важно отметить, что эта количественная разница создает разницу качественную и осознается постоянно проживающими в Беларуси людьми.

5.2. Граница между трасянкой и белорусским литературным языком

Этот вопрос более сложен теоретически, так как он связан с отсутствием единого мнения у современных белорусоведов о том, что считать белорусским литературным языком.

Есть ученые, считающие официально признанный и зафиксированный словарями белорусский язык белорусско-русской трасянкой (например, П. Сцяцко¹⁷). Большинство же ученых, по крайней мере, работающих в Институте языкознания АН РБ, признают «официальный» белорусский язык «настоящим» литературным белорусским языком. Постараюсь, насколько это возможно, не вмешиваться в этот пор. Думаю, что и те, и другие согласятся с тем, что о трасянке можно говорить в случае вкрапления русских слов, не мотивированного отсутствием соответствующих эквивалентов в белорусском языке, причем эти слова подвергаются белорусскому фонетическому и морфологическому оформлению.

Граница между трасянкой и белорусским языком проходит, таким образом, на уровне лексики (насколько можно понять из аргументации обеих сторон, именно этот критерий и выдвигается в качестве основного). Именно поэтому не всякое высказывание, особенно короткое, можно с уверенностью определить как однозначно принадлежащее

либо к белорусскому языку, либо к трасянке. Однако при определении принадлежности более развернутого текста в подавляющем большинстве случаев этот вопрос решается однозначно. Границей между трасянской и БЯ, таким образом, можно считать **частое использование русскоязычных элементов, главным образом лексических**.

6. Отношение к трасянке

В начале этой статьи было упомянуто крайне эмоциональное отношение к трасянке со стороны СМИ. В огромном количестве статей ее клеймят как позор и бескультурье, обвиняют политических противников в использовании трасянки, ее называют причиной присущего белорусам национального нигилизма, ею пугают. Приведу достаточно характерное высказывание российского тележурналиста:

7) Андрей Черкизов (НТВ):

Я не знаю другого государства, в котором подавляющее большинство говорит на «трасянке». Когда народ загоняют в «трасянку» — это страшнее, чем когда загоняют в газовую камеру. Потому, что газовая камера — это мгновенная смерть, а «трасянка» — смерть, передаваемая по наследству¹⁸.

Особенно активно высказывают крайне негативное отношение к трасянке представители белорусскоязычной интеллигенции, которые видят в ней угрозу существованию белорусского языка: [перевод мой — И. Л.].

8) Нил Гилевич, известный белорусский поэт, активный борец за укрепление позиций белорусского языка (о языке радио и телевидения, в котором находит множество отклонений в сторону русского языка):

Или, может, это делается специально, чтобы, идя таким путем, смешать два языка в один, создав гадкую трасянку. Чтобы люди недалекие сказали: «Да это же невозможно слушать! Искаженная русская речь и не более! Зачем же на искаженной? Разве нет людей, хорошо знающих русский язык?»¹⁹

В высказываниях подобного рода есть рациональное зерно. Трасянка действительно негативно сказывается на престиже белорусского языка.

Я уже упоминала низкий престиж трасянки как среди ее носителей, которые стараются избегать пользоваться ею «на людях», так и среди носителей русского языка. Вот характерный пример из интервью с носителем русского языка:

9) Владимир Михайлович, 60 лет, белорус, родом из райцентра, преподаватель вуза²⁰:

Инф. Это трасянка **так званая**²¹, может она и не умрет, но это ж не язык.

Соб. А что?

Инф. Сплошное безобразия. От бескультурья и безграмотности. Книжечек же сейчас не читают.

Важно отметить, что в глазах большинства моих информантов трясянка автоматически характеризует говорящего на ней человека как низкообразованного. Это лишь стереотип, однако очень устойчивый. Среди ее носителей есть доктора наук и врачи, однако «неправильная» речь «перевешивает» ученую степень и профессиональную принадлежность: говорящий на трясянке профессор презирается студентами, говорящий на трясянке врач вряд ли сможет работать вне пределов бесплатной медицины, так как не будет вызывать доверия как специалист у более обеспеченных пациентов, и т.д. Приведу пример из интервью, достаточно хорошо иллюстрирующий отношение к говорящим на трясянке:

10) Надежда, 32 года, среднее специальное образование, коренная минчанка²²:

Соб. Ты могла дружить с человеком, который говорит на трясянке?

Инф. Ну... это маловероятно, но ... я допускаю.

Соб. А почему маловероятно?

Инф. Потому что обычно есть такая тенденция что... говорящие на трясянке, если случается так что.. начинают чего-то там читать и чего-то там вокруг себя видеть, как у них и с речью становится лучше.

Налицо полное совпадение отношения к языку с отношением к его носителям. И это отношение является крайне негативным: *говорить на трясянке стыдно, нельзя, неправильно.*

Примером такого отношения может служить и характерное для речи минчан переключение кодов с русского на трясянку с целью негативной характеристики кого-либо или чего-либо:

11) Людмила, 40 лет, коренная минчанка, русская, высшее техническое образование:

Деўки, что вы разорались як бабы на базары?

Кроме сугубо негативной, существует и другая, более прагматичная точка зрения, которую можно свести к формуле: «трясянка понятна». Вот пример из интервью:

12) Рита, 32 года, высшее техническое, белоруска, живет в Беларуси с 16 лет (на вопрос о том, как говорят ее клиенты в автосервисе)²³:

То есть мне понятно. Когда мне оно режет слух, когда чисто оно все... по-белорусски. Это замечаешь, а если так оно, через слово, оно как-то и нормально.

Люди, придерживающиеся этой точки зрения, противопоставляют трясянку белорусскому языку как «понятный» «непонятному», выбирая, естественно, «понятный». Для этой группы людей трясянка, таким образом, подменяет собой белорусский язык, который для этой группы сам по себе имеет низкий престиж; будучи сильно русифицированным его вариантом, она становится единственно приемлемой для них в качестве белорусского языка.

Подобная подмена белорусского языка трасянкой совершается и в сознании многих других людей. Здесь механизм подмены другой: трасянка неприлична, груба и некрасива, белорусский язык и трасянка примерно одно и то же, так как на трасянке говорят белорусы из деревень — следовательно, неприличен, груб и некрасив и сам белорусский язык. Эта точка зрения разделяется многими людьми, особенно кореными горожанами и людьми небелорусского происхождения.

Для изучения отношения к белорусскому языку и трасянке соответствующие вопросы были включены в опросник, использовавшийся при проведении интервью. Большинство опрошенных считает, что белорусский язык на радио и телевидении красивый, и белорусский язык радио их в принципе устраивает, а язык на базаре от него отличается в худшую сторону. То есть налицо положительное отношение к литературному белорусскому и негативное — к трасянке. Но далее часто следовал приблизительно такой пассаж: так как разговорный белорусский язык существует главным образом в виде трасянки (и в виде языка националистически настроенных политиков и людей искусства, «а я человек простой»), то этот разговорный язык для меня неприемлем и неприятен. Поэтому я согласен воспринимать пассивно белорусский язык СМИ, но уважать язык (а иногда, как следствие, и народ), у которого есть такой разговорный вариант, я не буду. Так отношение к трасянке влияет на отношение к белорусскому языку.

Мы показали сейчас взгляд извне, со стороны носителей русского языка. Точка зрения белорусскоязычных интеллигентов — а именно они и могут считаться носителями разговорного белорусского языка — уже представлена высказыванием Н. Гилевича.

Что же касается носителей самой трасянки, то об их отношении к своему разговорному языку можно сказать следующее. Во-первых, кто-то считает свой язык русским, кто-то — белорусским, хотя отличия своего языка и от языка своих деревенских родственников, и от языка своего городского окружения чувствуют практически все. Во-вторых, к этому своему языку отношение достаточно стыдливое: среди своих на нем говорить можно, а с чужими нужно говорить «правильно» (см. пример 4). Своих эти люди также определяют по языку:

13) Валентина, 53 года, уроженка Витебской области, рабочая²⁴:

Соб. *Трудно было на русский язык переходить?*

Инф. *Не. Языки та близкия. Так, словы якие забудзеш, дык скажашь беларуская — тоже ж нич Оўа, поймуць. Усе ж так. Так, у ўрадзе стараемся каб па-русски, а дома, там, здесь — як скажашь, то и ладна, што ж тут уж так. Хто ж не поймець? Вон даже Галя, ўрадская наша, и то усе понимаець и сама не лепей²⁵ за нас ўавОрыць.*

Соб. *А дома как говорите?*

Инф. *Па-беларуски. Чаго ж там. У мяне и мужик з дзярэўні.*

Соб. *А дети по-русски говорят?*

Инф. *Да, яны ж у ўрадзе нарадзіліся. У нас так — хто у ўрадзе, тыя па-русски, хто у дзярэўні — тыя як у дзярэўні, так толькі на людзях там ... стараешся.*

Хочу особенно подчеркнуть то место в этом интервью, где говорится о «городской» Гале: она «своя», потому что говорит «не лучше». Как мне представляется, в слове «не лучше» и заключается отношение к своему языку как к *неправильному*.

А вот мнение дочери говорящего на трясянке человека:

14) Юля, 16 лет, ученица 10 класса, коренная минчанка²⁶:

Инф. *У меня отец — он из деревни и говорит с акцентом, и часто любит дома по-белорусски говорить. Я так это не люблю.*

Соб. *А почему?*

Инф. *Ну... не знаю... некрасиво как то... И зачем. Ведь по-русски же можно.*

Итак, трясянку либо терпеть не могут, либо могут терпеть. Похоже, что единственный человек, любящий трясянку — президент Лукашенко. Он считает, что трясянка — это национальное достояние белорусов:

15) А. Г. Лукашенко на встрече с работниками Академии Наук Беларуси, 1998 г.:

«Нас нередко упрекают за «расейскую мову». Ну какая же она расейская? Чего мы отказываемся от того, что мы создавали все эти годы советской власти? Ведь чисто русский язык отличается от того, на котором мы говорим. Кто-то, знаете, издевается, вот вам «трясянка» и так далее. Неважно, может быть и «трясянка». Но это мы создали этот язык. На базе русского языка. Почему от него сегодня должны отказаться?»

Что ж, и такая точка зрения имеет право на существование. Хотя языковое поведение самого Лукашенко не соответствует декларируемому положительному отношению к трясянке: сам он последовательно отказывается от трясянки, постепенно переходя на русский язык. Это поведение достаточно логично, учитывая уже упоминавшуюся выше роль трясянки в стратификации общества.

7. Трясянка и расслоение общества

Роль языка как фактора расслоения общества в Белоруссии советской эпохи, и особенно в его столице — городе Минске — заключалась в том, что степень владения русским языком или, скорее, степень «испорченности» русского языка белорусским была фактором социальным, на основании которого определялась принадлежность индивида к некому социальному кругу. Как я уже говорила ранее, говорящий с сильным белорусским акцентом признавался коренными горожанами необразованным, некультурным, только что приехавшим из деревни и, следовательно, занимающим более низкое социальное положение. Говорящий по-русски с минимальными диалектными чертами

считался человеком образованным, культурным, «из хорошей семьи». Для мигрантов из деревни, вне зависимости от степени их собственного владения нормативным русским, говорящий с акцентом был ближе и понятнее, а говорящий без акцента — более чужим. Однако более высокий престиж русского языка и говорящих на нем без акцента признавался обеими группами.

Для продвижения по служебной лестнице, особенно в партийно-хозяйственной сфере, необходимо было говорить по-русски с небольшим акцентом. Акцент был необходим: если начальник сам говорил с акцентом, то чистый русский смущал бы его, если без акцента — ему было бы приятнее чувствовать свое двойное превосходство. Однако сильный акцент говорил бы не в пользу претендента на повышение и раздражал начальство, кем бы оно само ни было. Кроме того, белорусский акцент безошибочно указывал на принадлежность к белорусской нации и происхождение из сельской местности, что также поощрялось, так как активно проводилась политика поддержки национальных кадров в партийной, хозяйственной, научной сферах. Но что важно, успешный работник должен был постепенно избавляться от своего акцента. Таковы были принятые в обществе правила игры. Именно такую стратегию языкового поведения демонстрирует сейчас президент Беларуси А. Г. Лукашенко.

Войдя в политику, он говорил по-русски с сильным белорусским акцентом, который с годами становится все менее и менее заметным. Это «работает» на его успех среди населения: такое поведение всеми признается как «правильное», а наличие акцента делает его «своим» для жителей и выходцев из деревень, которые голосуют за него. Для русскоязычной интеллигенции он неприемлем хотя бы из-за не вполне грамотного языка, однако его стратегия успешна и здесь. Во-первых, интеллигенция всегда считает себя (и гордится этим) выше властных структур и их представителей, а акцент президента дает ей легкую возможность это почувствовать. Оппозиционная пресса пестрит издевательствами в адрес «безграмотного» президента. Во-вторых, Лукашенко соблюдает «правила игры», по которым человеку из низов необходимо всеми силами изживать свой акцент, указывающий на это происхождение, чтобы быть допущенным в «высшие сферы». В-третьих, человек, изживающий в себе трасянку, не введет опасную для русскоязычной интеллигенции белоруссизацию.

И тут мы подошли к очень важному выводу: трасянка, хоть и неприятная на слух, все же менее опасна для русскоязычной интеллигенции, чем чистый, литературный белорусский, который в 1993–1994 годах власти независимой Беларуси пытались возродить и им заменить привычный русский язык. Трасянка — меньшее зло, так как ее нельзя навязать, она изживает свой век, от нее можно отгородиться. Именно поэтому она так ненавистна национально-ориентированной интеллигенции.

Последний вопрос — это вопрос о лингвистическом статусе трасянки. Очевидно — и об этом пишут практически все — что трасянка является результатом интерференции. Однако, как мы знаем, эти результаты могут быть разными. В контактологии известны следующие варианты: смешанный язык, койнэ, пиджин, часть диалектного континуума, социолект, полужычие, постоянное переключение кодов, интер-язык и некоторые другие. Не вдаваясь в подробное обсуждение этой сложной проблемы, ограничимся пока указанием на то, что мы склоняемся к последнему варианту: трасянка — это интер-язык, то есть промежуточная и неустойчивая языковая система, которую создает индивид на разных стадиях изучения второго языка. Эта система не сводится ни к родному языку индивида, ни к языку, который он изучает. Каждая такая система является частью континуума, похожего на пост-креольский континуум (Romaine 1989: 209–210).

По моему мнению, это понятие наилучшим образом отражает как неустойчивость трасянки, так и ее происхождение, ее перспективы, ее индивидуальную вариативность и ее континуальный характер.

Примечание

¹ Слово *трасянка* по-белорусски изначально означало «смесь сена с соломой». Современный словарь дает и второе значение этого слова — «смешанная белорусско-русская речь» (Глумачальны слоўнік... 1999). Отмечу, что термин «трасянка» используется информантами крайне редко (и только людьми с высшим образованием). Обычно говорят о «колхозном» или «базарном» языке или например: «о том языке, на котором говорят вокруг». Последнее словосочетание как наименее оценочное и использовалось мной при опросе. Аналогичное явление, т. е. смешанный русско-украинский язык, есть и на Украине; там это явление носит название «суржик».

² Белорусская деловая газета, 12.03.1999.

³ Вариант — [γрОшэй].

⁴ Вариант — [γрОшаў].

⁵ Вариант [васкрас'Ен'н'і].

⁶ Вариант [знАје].

⁷ ЕУ—Минск—2000. ПФ—5А.

⁸ По возможности, отражены особенности речи информанта, фрикативное γ, большими буквами обозначены ударные гласные (где не обозначено, соответствует нормам русского языка), твердые Ч и Щ.

⁹ ЕУ—Минск—2000. ПФ—7А.

¹⁰ ЕУ—Минск—2000. ПФ—5А.

¹¹ Район г. Минска.

¹² См. пример А. Г. Лукашенко, языковую эволюцию которого можно заметить, если прослушать записи его выступлений 1994 и 2000 годов.

¹³ Под этим будет пониматься либо родившиеся в г. Минске, либо проживающие в нем более 10 лет.

¹⁴ ЕУ–Минск–2000. ПФ–7А.

¹⁵ Литературный русский, белорусский диалект русского языка, трасянка и литературный белорусский.

¹⁶ Этот фонетический признак характерен и для других диалектов русского языка.

¹⁷ См. газету «Наша слова» 7.06.00. По этому поводу в 1998 году даже было судебное разбирательство: одну белорусскоязычную газету («Наша ніва») пытались закрыть за использование другой, отличной от «официально признанной», орфографии, а представители газеты пытались выяснить, что такое «официально признанная» орфография и кто ее официально признал в современной Беларуси. Вразумительного ответа, по словам представителей газеты, они так и не получили. См. подробно в: «Наша Ніва», 15.06.98.

¹⁸ Газета «Імя», 02.07.98.

¹⁹ Газета «Наша слова», 30.12.98.

²⁰ ЕУ–Минск–2000. ПФ–6Б.

²¹ Сказано по-белорусски, перевод «так называемая».

²² ЕУ–Минск–2000. ПФ–1А–1Б.

²³ ЕУ–Минск–2000. ПФ–7А.

²⁴ ЕУ–Минск–2000. ПФ–7А.

²⁵ Лучше.

²⁶ ЕУ–Минск–99. ПФ–2Б.

Литература

Мечковская Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия // *Иванова С.Ф., Иванов Я.Я., Мячкоўская Н.Б.* Сацыякультурная прастора мовы. Минск, 1999. С. 27–42.

Наша слова. 1998. 30 дек.

Наша слова. 2000. 7 июня.

Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. Минск: Беларуская навука, 1999. 246 с.

Глумачальны слоўнік сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Минск: Беларуская энцыклапедыя, 1999. 784 с.

Perecman E. Language Processing in the bilingual: evidence from language mixing // *Bilingualism across the Lifespan. Aspects of Acquisition, Maturity and Language / Kenneth Hyltenstam, Loraine K. Obler, eds.* Cambridge: Cambridge UP, 1989. P. 227–245.

Romaine S. Bilingualism. London: Blackwell Publishers; Longman, 1989. 336 p.